

ДОЧЬ ПРЕДАТЕЛЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АВТОР: MALIA LEVIT

18+

Malia Levit

Дочь предателя

«Автор»

2026

Levit M.

Дочь предателя / M. Levit — «Автор», 2026

Его казнили на глазах у всей страны, назвав позорным изменником. Теперь его дочь, Морган Стил, входит в логово тех, кто вынес этот кровавый приговор. Она — изгой, бросившая вызов собственной семье, чтобы доказать: её отца подставили. Академия Торнгата не прощает слабости, особенно если ты — дочь «того самого» Стила. Здесь её ждут не только изнуряющие тренировки и смертельные испытания, но и взгляды, полные жажды — обладать ею или уничтожить. Морган готова на всё, чтобы смыть позор с фамилии, даже если ради этого придётся вступить в опасную игру, где на кону стоит не только жизнь, но и её тело. Когда ненависть смешивается с неконтролируемым влечением, а жажда правды — с порочными желаниями, границы дозволенного стираются навсегда. СТРОГО 18+В книге присутствуют:Откровенные эротические сцены.Отношения в формате МЖМ (групповой секс).Жестокие испытания и нецензурная лексика.Темное фэнтези с элементами психологического давления.

© Levit M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Обращение к читателю.	5
Пролог.	6
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Malia Levit

Дочь предателя

Обращение к читателю.

Дорогой мой читатель!

Добро пожаловать на страницы моей новой книги — «**Дочь предателя**». Прежде чем мы начнем, я хочу заранее предупредить тебя: это произведение строго **18+**. Оно не предназначено для лиц, не достигших совершеннолетия, или людей с неокрепшей психикой.

Прошу заметить, что в этой книге присутствуют очень откровенные сексуальные сцены, предназначенные исключительно для взрослой аудитории. Сюжет содержит эпизоды сексуального характера с участием двух мужчин и одной женщины (МЖМ). Если ты считаешь себя ханжой или тебе не близок подобный стиль, я советую тебе обратить внимание на другую мою работу — «**На руинах нашего мира**». Она создана специально для тех, кто предпочитает менее откровенное повествование.

Я искренне рада видеть тебя здесь. Приготовься: мы окунаемся в этот сказочный, эротичный, сладкий и сексуальный, но в то же время военный, опасный и по-настоящему страшный мир.

Итак... мы начинаем.

Пролог.

Что будет, если я скажу вам, что наш мир вовсе не такой, каким он кажется на первый взгляд? Что будет, если в один миг вы узнаете правду? Захотите ли вы сбежать, поддавшись первобытному инстинкту? Захотите ли увидеть всё своими глазами, или впадете в неопишувемый, парализующий ужас?

Я отвечу вам сразу — ничего.

Ничего из этого не произойдет, ведь вы никогда не узнаете правду. Эта информация скрыта глубоко под слоями лжи и повседневности, она доступна лишь узкому кругу избранных и передается под строжайшим секретом из семьи в семью, от отца к сыну, от матери к дочери. Но сегодня я сделаю исключение. Сегодня я раскрою для вас крошечный, сочащийся тьмой кусочек этой тайны.

Наш мир, нашу землю, которую мы так опрометчиво считаем своей, и наш уютный дом всегда пытались завоевать и покорить. Те, кого нельзя назвать иначе как мразями. Пришлые, мерзкие твари из пространств, о которых человеческий разум боится даже помыслить. Они приходили сюда с одной целью — насытиться. Эти существа с пугающей легкостью раскусывали человеческие тела, хрустя костями, словно сухими ветками, и ни на мгновение не задерживались, чтобы пожалеть несчастных. Они с упоением продолжали жрать, упиваясь криками и вкусом горячей крови, а иногда — что было куда страшнее — они захватывали чужие тела, превращая человека в пустую оболочку, в марионетку для своих нужд.

Но во всем этом бесконечном кошмаре, среди хруста и боли, всегда существовали они.

Герои, которые не носили масок и не искали славы в лучах софитов. Эти герои носили форму. Строгую, скрывающую шрамы и тяжесть прожитых лет. Форму, которая становилась их второй кожей и их последним саваном.

Надеюсь, вы глубоко вдохнули и готовы. Потому что сейчас перед вами приоткроется завеса. Сейчас вы узнаете то, что никогда не было и не будет доступно обычному человеку.

Глава 1

Дождь продолжал биться в иллюминатор, оставляя за собой неровные, дрожащие дорожки, похожие на шрамы на стекле. Я смотрела, как яркие огни американского аэропорта постепенно расплываются в серой дымке, превращаясь в призрачные, невнятные пятна. Внутри всё сжималось в тугий холодный узел. Возвращение — это всегда больно, но возвращение в место, которое твоя семья покинула с позором и выжигающим нутро страхом, — это добровольная, осознанная пытка.

Пересадка в Монреале прошла как в тяжелом тумане. Огромный хаб с его вечной суетой, шумом сотен голосов и резким запахом пережаренного кофе казался мне последним оплотом цивилизации, понятной и безопасной. Дальше за ним простиралась только неизвестность и пустота. Маленький самолет до Гус-Бея уже не обещал ни комфорта, ни покоя; в его узком салоне густо пахло керосином, застоявшимся холодом и несвежим металлом. Чем дальше мы уходили на север, тем меньше становилось лесов под крылом. Сочная зелень постепенно сменялась безжизненной серостью, а серость — ослепительно белым, мертвым безмолвием вековых ледников.

В Нейне, последнем оплоте человеческого тепла перед ледяной пустыней, меня встретил ветер. Он был настолько резким, что казалось, будто он сразу узнал меня и ударил наотмашь по лицу, проверяя на прочность. Здесь не было привычных желтых такси или вежливых водителей. Здесь были только суровые люди с лицами, высеченными из камня, и техника, созданная специально для того, чтобы вступить в кровавый спор с самой природой.

Я подошла к группе мужчин, стоявших у вездеходов. Моя спина была прямой, а взгляд — холодным, как и положено женщине с фамилией Стил.

— Мне нужно добраться до военного поселения при Академии Высшего Командования Торнгат, — произнесла я, стараясь, чтобы мой голос не дрогнул на ветру.

Они посмотрели на меня совершенно спокойно, без тени подозрения или враждебности. Для них я была лишь очередной амбициозной абитуриенткой, одной из многих, кто слетался сюда со всего мира в надежде сдать сложнейшие вступительные экзамены и поступить в это элитное учебное заведение. Сейчас был сезон набора, и молодые люди с хорошей физической подготовкой были здесь привычным зрелищем.

Академия Высшего Командования Торнгат не имела ничего общего с обычными кадетскими учебными заведениями. Это был закрытый институт высшего порядка, элитная цитадель, куда путь был заказан всем, кто не достиг двадцатилетнего возраста. В этих стенах не было места подростковой незрелости — здесь обучались только взрослые люди, сформировавшиеся личности, многие из которых уже успели познать вкус пороха или тяжесть потерь.

Это заведение было абсолютно закрытого типа; поступить сюда «с улицы», не имея отношения к военному сословию, было физически невозможно. Академия строилась на принципе кастовости и преемственности. С одной стороны, здесь учились дети высшего командующего состава — продолжатели славных офицерских династий, для которых служение было единственным смыслом существования. С другой — сюда попадали «особенные» дети по личной квоте генерала. Это были льготники, сыновья и дочери простых бойцов, которые в этот самый момент сражались в самых кровавых и жутких точках планеты, сдерживая натиск мерзких тварей. Генерал учебного заведения лично отбирал этих людей, видя в них тот уникальный потенциал, который не всегда можно найти в золотой молодежи штабных офицеров.

Для всех — и для детей маршалов, и для выходцев с передовой и для просто гениальных талантов — экзамены были одинаково беспощадными. Никто не получал поблажек. Но если обычные гражданские люди даже не догадывались о существовании этого места, скрытого в ледяных фьордах, то для нас, выросших в семьях военных, Торнгат был единственным

мерилом успеха. И именно сюда я, Морган Стил, вернулась, чтобы занять свое место в строю, несмотря на клеймо, оставленное моим отцом.

— Запрыгивай в «Шерп», красавица. Доведем в лучшем виде, — отозвался один из них, широко улыбнувшись.

Мужчина с натугой подхватил мои чемоданы — а их, к его огромному и явному сожалению, оказалось целых четыре, не считая тяжелой, набитой до отказа спортивной сумки. Он лишь крикнул от неожиданного веса, едва не пошатнувшись на скользком камне, но быстро выровнялся и уверенно направился к своему железному товарищу на огромных колесах. В таких суровых, беспощадных условиях северного края транспорт был для человека не просто средством передвижения; он становился самым близким и надежным другом, от верности которого буквально зависела твоя жизнь в снежной пустоте.

Забросив последний чемодан в кузов вездехода, водитель обернулся ко мне, вытирая руки о грубую ткань штанов, и сощурился, разглядывая мой багаж.

— Красавица, что там у тебя в них? Свинцовые слитки? — Его голос прозвучал хрипло, перекрывая свист ветра.

Я поправила ремень сумки на плече и ответила максимально коротко:

— Вещи, экипировка. И еда.

Мужчина понимающе хмыкнул, запрыгивая на высокое сиденье и жестом приглашая меня внутрь кабины.

— Да, еда — это хорошо, — протянул он, заводя мощный двигатель, который отозвался утробным рыком. — Доставка у нас тут работает паршиво, если вообще работает. Долго ждать тебе придется, если припасы кончатся раньше времени.

Я залезла в кабину, чувствуя, как по телу разливается первое скупое тепло.

— Я знаю, — ответила я, глядя вперед, на смыкающиеся челюсти скал.

Меня ждал вездеход на огромных колесах низкого давления, похожий на странное металлическое насекомое. Мы медленно ползли по каменистому побережью Саглека, где скалы, прозванные «Зубами Дьявола», уже начали смыкать свои черные челюсти вокруг нас. Водитель, крепкий мужчина в теплой парке, оказался на редкость словоохотливым. Он не знал, кто я. Для него я была просто очередная девушка — спортивная, с точеным профилем и тяжелым взглядом, решившая связать жизнь с армией. Он мило болтал всю дорогу, рассказывая о том, как суровы здесь зимы и как престижно учиться в Академии, здание которой уже виднелось на горизонте — монументальное, серое, окруженное целой сетью небольших поселений для офицерских семей и обслуживающего персонала.

Этот мужчина владел информацией об устройстве жизни вокруг этой цитадели лишь потому, что сам был частью огромного механизма обслуживания, который обеспечивал существование Академии. Он жил в одном из тех самых небольших поселений, рассыпанных неподалеку от учебного заведения, и, судя по его крепким рукам и манере вождения, относился к штату технического персонала.

На самом деле он не имел ни малейшего представления о том, чему конкретно обучали за высокими заборами с колючей проволокой, и какие именно дисциплины вдавливали в головы студентов. Для него это была просто «Военная академия» — место, окутанное тайнами, но гарантирующее стабильность. Он знал главное: здесь платили такие деньги, ради которых стоило терпеть этот проклятый холод.

Подобные ему мужики съезжались сюда из самых разных уголков мира в поисках заработка. Они ютились в маленьких деревнях, живя большими мужскими коммунами по несколько человек в доме, и занимались всей той черновой работой, без которой Академия задохнулась бы в снегах: расчищали трассы, доставляли грузы, развозили прибывающих студентов и выполняли сотни других мелких поручений. Армия платила за их труд и молчание баснословные суммы, но каждый из этих рабочих, прежде чем ступить на землю Торнгата,

подписывал жесткий документ о неразглашении. Любая утечка информации о жизни поселений или передвижениях внутри сектора каралась так сурово, что заставляла даже самых болтливых держать язык за зубами. Смерть.

Я поддерживала разговор короткими фразами, но внутри меня разрастался ледяной ужас. Пока мы ехали по улицам военных поселений, я видела благородные, крепкие дома из темного камня. Они стояли гордо, в идеальном внешнем состоянии, окруженные невероятной, дикой красотой гор и фьордов. Здесь жили семьи тех, кто служил закону и чести.

Я понимала одну простую и страшную вещь: сейчас я инкогнито. Но как только в нашем старом особняке зажжется свет, как только из трубы пойдет дым, всё это уютное и строгое сообщество содрогнется. Весть о том, что семья главного предателя страны вернулась в свое родовое гнездо, разлетится по гарнизону быстрее, чем арктический шквал.

Последний отрезок пути был самым тяжелым. Вездеход остался у подножия главной гряды, и мне пришлось пересесть на предоставленный квадроцикл на гусеничном ходу — мощный, рычащий зверь, который с яростью вгрызался в обледенелую крошку. Ветер здесь не просто дул, он выл на ультразвуке, пробираясь под самую дорожную термоткань моей формы, напоминая, что «земля духов» не терпит чужаков. А я была для неё самой чужой из всех.

Гора Д'Ибервиль возвышалась над горизонтом, как безмолвный страж, наблюдающий за моим медленным падением.

Наконец, впереди показался силуэт. Наш дом. Он был сложен из темного гранита и укрепленного векового бруса, и казалось, что он буквально врос в склон у самого обрыва к фьорду. Особняк выглядел брошенным, мертвым и бесконечно одиноким, как и мои воспоминания о детстве.

Я слезла с гусеничного байка, чувствуя, как мелко дрожат колени — то ли от долгой изнуряющей вибрации мотора, то ли от душащего, липкого страха. Сапоги с тяжелым хрустом впечатывались в наледь. Каждый шаг к высокому крыльцу давался с трудом, словно сам разреженный воздух уплотнялся, пытаясь физически вытолкнуть меня обратно к океану.

Я поднялась на три низкие ступени. Дерево массивной двери потемнело от соли, влаги и времени, став почти угольно-черным. Достав из внутреннего кармана тяжелый стальной ключ — единственное, что связывало меня с отцом и его страшными грехами, — я на мгновение прижала холодный металл к груди. Ключ обжигал даже через плотную ткань перчатки.

Пальцы почти не слушались, онемев от холода и нервного напряжения. Я сделала глубокий, болезненный вдох, втягивая в легкие этот особый воздух Торнгата, пахнущий снегом, хвоей и вечностью.

— Я дома, — едва слышно прошептала я, и мне показалось, что древние духи гор уже подхватили мой голос, разнося его по ущельям.

Я вставила ключ в скважину. Раздался резкий, сухой и пугающе громкий щелчок, отозвавшийся вибрацией в самом позвоночнике. Замок, сопротивлявшийся долгие годы забвения, наконец сдался. Я с силой нажала на массивную ручку, и дверь с тяжелым, протяжным стоном медленно поползла внутрь, открывая густую темноту дома. Темноту, в которой мне предстояло либо сгореть дотла, либо найти свое искупление среди тех, кто ненавидит мое имя.

Холод, мертвая тишина и запах застоявшегося времени — вот что встретило меня в доме моего детства. Каждое движение отдавалось тупой болью в груди, словно я шла по битому стеклу собственных воспоминаний. Сделав шаг через порог, я нащупала правой рукой выключатель. Резкий щелчок — и холл залило ровным электрическим светом.

— Похоже, дом не оставили без обслуживания. Наверное, бабушка постаралась, — прошептала я, и на моих губах заиграла горькая ухмылка, хотя сердце неприятно царапнула мысль о том, что даже в запустении это место оставалось под негласным надзором.

Я прошла внутрь, миновала просторный холл и дошла до кухни. Весь особняк был полностью на электроэнергии, и мощности генераторов здесь хватало с избытком. Академия делала

всё, чтобы семьям военных и персоналу было здесь комфортно, невзирая на арктический ад за окном. Я подошла к щитку и один за другим подняла все тумблеры вверх. Дом вздрогнул, оживая. Свет ворвался в каждое помещение, выгоняя тени, которые прятались здесь годами.

Кухня сияла идеальной, почти стерильной чистотой. Значит, Агнес Стил всё же при-сматривала за домом. Эта мысль вызывала одновременно и радость, и удушающую, свинцовую печаль.

Я вышла из кухни назад в зал, распахнула входную дверь и спустилась к своему транспорту. С трудом подхватив тяжелые чемоданы, я перетащила их внутрь. Вытащив ключи из зажигания вездехода, я положила их в маленький боковой карман сумки. Совсем скоро придут люди из поселения и заберут этого «помощника» назад, но мне он больше не был нужен. В моем гараже стояло кое-что намного лучше — транспорт отца.

Захлопнув массивную дверь, я закрыла её на замок и на тяжелую щеколду. Оставив два чемодана внизу, я взяла самое необходимое и поднялась на второй этаж. Моя детская комната встретила меня нетронутым покоем: бело-розовые тона, милые подушечки, заправленная кровать и куклы — всё стояло на своих местах, словно я вышла отсюда всего пять минут назад.

На столе стояла фотография. На ней мы были все вместе: я, мой отец Сайлас Стил, брат Конан, мать Элеонора и бабушка Агнес. Та самая Агнес Стил, чей высокий чин генерал-майора не спас нашу семью. Она предала моего отца, своего собственного сына, не защитив его от жуткой несправедливости. Она позволила системе сожрать его, и это предательство жгло меня изнутри сильнее любого мороза.

Я бросила вещи, даже не пытаясь их разбирать, и спустилась за остальным багажом. Один чемодан я отнесла сразу на кухню — я не врала водителю, он действительно был набит едой, ведь доставка в этих краях работала из рук вон плохо.

Проходя мимо комнаты брата, я на мгновение замерла. Я не хотела заходить, зная, что там нет ничего, кроме боли, но какая-то сила толкнула меня внутрь. На его столе лежало другое фото. Три парня, три лучших друга. Мой брат Конан — красивый, темноволосый и такой молодой — стоял по центру. Рядом с ним его рыжеволосый друг Демьян Торн и белобрысый Юлиан Вейз.

При взгляде на их лица по моей коже побежали ледяные мурашки. Я резко бросила снимок обратно на стол, не желая воскрешать в памяти то, что было разрушено. В спальне родителей всё тоже замерло: стены, усеянные фотографиями из путешествий, семейные портреты... Ничего не тронут. За столько лет ни одна вещь не сдвинулась с места. Предательская слеза скопилась в глазу, но я зло вытерла её и вышла, хлопнув дверь.

Спустившись вниз, я сразу прошла в гараж через внутренний переход. Скинув пыльную ткань, я увидела папиного красавца — мощный внедорожный зверь, созданный для самых непроходимых троп. Ключ уже был в зажигании. Я повернула его, и — о боги! — он заработал. Мощный рокот мотора заполнил помещение, вибрируя в моих костях.

Проверив ключ от дома в кармане, я нажала на кнопку электронного пульта. Ворота гаража медленно поползли вверх. Я села за руль этого монстра, который мог пройти там, где другие пасовали, и вылетела наружу.

Когда я проносилась мимо военного поселения, я видела, как люди оборачиваются вслед. Мои длинные черные волосы развевались из-под защитного шлема, а рычание этого мотора узнавали абсолютно все. Жители знали, кому принадлежал этот транспорт. Он принадлежал Сайласу Стилу. Предателю, который якобы загубил три сотни душ.

Через тридцать минут бешеной гонки среди скал я была у цели. Дальше — только пешком. Меня встретили две арки. Одна вела на военное захоронение, куда моего отца, собиравшегося получить звание бригадного генерала, не пустили. Вторая арка была для обычных, штатских людей. Моего отца казнили как преступника — отрубанием головы. Эта первобытная

жестокость до сих пор практиковалась для изменников, и я, маленькая девчонка, видевшая казнь собственными глазами, до сих пор несла этот кошмар в себе.

Я шла по гражданскому кладбищу, чувствуя себя чужой. Здесь, в Торнгате, на надгробиях оставляли фотографии, чтобы люди помнили своих героев. Или, в моем случае, чтобы помнили предателя.

Наконец я нашла его. С камня на меня смотрел красивый мужчина с черными волосами и улыбкой. А в самом низу надгробия была выбита надпись, царапающая мне душу: **«ПРЕДАТЕЛЬ»**.

Я была в простой гражданской одежде — теплой куртке и джинсах, которые казались вызовом в этом мире устава. Ледяная земля пробирала холодом, но я опустилась на колени. Мои пальцы коснулись металла, скрытого под воротником — я вытянула старый армейский жетон отца на тонкой цепочке. Матовый, поцарапанный, он был моей единственной святыней.

Я прижала жетон к холодному граниту, закрывая ладонью позорную надпись. — Здравствуй, папа, — прошептала я, и слезы покатились по щекам. — Давно мы с тобой не виделись

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.